

дал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его> [1, с. 732].

Выявленные в ходе анализа признаки лексем *сердце* позволяют сделать следующие выводы. Лексема *сердце* у М.А. Булгакова имеет: а) *понятийный слой*, включающий этимологические, универсальные характеристики, а также словарные дефиниции, отражающие результат первичной категоризации человеком окружающего мира (орган кровообращения); б) *предметный слой*, который включает чувственно-воспринимаемый образ этого понятия (ощущаемый орган, ритмично/неритмично сокращающийся); в) *образный слой*, представленный тропеическими конструкциями, структурирующими когнитивное пространство (сердце – вещество, сердце – живое существо, сердце – движущаяся субстанция); г) *ценностный слой*, отражающий эстетические авторские оценки и коннотации (*сердце* – сокровенный центр личности и *собачье сердце* как воплощение и средоточие всего античеловеческого).

Литература

1. Булгаков М.А. Романы: Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М. : Современник, 1987.
2. Булгаков М.А. Собачье сердце // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2.
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М. : Высш. шк., 1990.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Бульгиной. М., 1999.
5. Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В. Виноградова // Вестн. Моск. ун-та. 1995. Сер. 9. № 3. С. 130–139.
6. Маругина Н.И. Метафора в процессах текстопорождения: на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
7. Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ : моногр. Кемерово : КемГУ, 2007.
8. Урысов Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М. : Яз. слав. культуры, 2003.

9. Успенский Б.А. Изб. труды : в 3 т. М., 1996 – 1997.

10. Jackendoff P. Semantics and Cognition. Cambridge, 1993.

Semantic transformations of the lexeme “heart” in the works by M.A. Bulgakov

There is found out the structure of the lexeme heart in the works by M.A. Bulgakov and shown that it has a) conceptual layer (blood-vascular organ); b) substantial layer (perceptible organ, rhythmically/unrhythmically contracted); c) figurative layer, shown as trope constructions (heart – substance, heart – breather, heart – moving substance); d) value layer, which reflects aesthetic author’s assessment (heart – personality centre and dog’s heart – incarnation of everything antihuman).

Key words: semantics, M.A. Bulgakov, lexeme heart.

К.Р. ВОЛКОВА
(Елабуга)

АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Н.А. ДУРОВОЙ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются антропонимы художественного пространства кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. Личные имена собственные проанализированы и классифицированы в соответствии с этимологическими и этнолингвистическими характеристиками антропонимических единиц.

Ключевые слова: антропоним, личное имя собственное, поэтоним, этимологическая характеристика, этнолингвистическая характеристика.

Надежда Андреевна Дурова известна отечественной истории как первая женщина-офицер, участница военных событий начала XIX в. Знаменитой кавалерист-девице принадлежит целый ряд литературных произведений, которые высоко оценили корифеи русской и мировой литературы А.С. Пушкин и В.Г. Белинский.

«Перелистывая пожелтевшие, столетней давности страницы произведений Дуровой, все время чувствуешь страстную взволнованность автора, ее горячую любовь к родине, к своему народу и его прошлому» [12, с. 43]. Толерантность, уважение к народам России (вспомним: начало XIX в. для царской России было не самым благоприятным в плане развития дружественных отношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий) и Европы были воспитаны в писательнице благодаря некоторым географическим, историческим, этнопсихологическим объективным факторам. Надежда Андреевна родилась на Украине, провела детство и юность в Сарапуле (ныне Удмуртия), вела службу на территории России и Европы, последние 30 лет прожила в Елабуге (Вятская губерния, граничащая с Казанской). Другими словами, изначально любовь и уважение к представителям разных национальностей развивались у Дуровой как бы сами по себе, вполне естественно и закономерно. Интерес к представителям разных этнических групп кавалерист-девица сохраняла всю свою жизнь, и это, несомненно, отражалось в ее текстах на уровне эксплицитных и имплицитных смысловых структур.

Именник любого этноса, как известно, формировался на основе культуры, мироощущений и религиозных воззрений, тем самым вбирая в себя фонетические, грамматические и лексические признаки национального языка. По этому поводу В.И. Супрун отмечает: «набор имен собственных будет хотя и относительно переменным, но достаточно определенным и существенным признаком конкретного этноса, т.е. ономастикон является реализацией национального в языке» [15, с. 10].

Многие ученые указывают на особое значение онимов в художественном пространстве произведения (В.Н. Михайлов, В.М. Калинин, В.И. Супрун, Г.Ф. Ковалев, С.И. Зинин, О.И. Фоякова, Э.Б. Магазаник, Ю.А. Карпенко и др.). По мнению В.Н. Михайлова, «собственные имена, функционирующие в художественном тексте, представляют особую сферу ономастической действительности» [8, с. 78]. Ю.А. Карпенко считает, что на фоне общенародной ономастики возникает, существует и так или иначе на нее опирается литературная ономастика, поэтому поэтическую ономастику можно определить как субъективное отражение объективного [7, с. 34–35].

В рамках художественного произведения реальный антропонимикон переосмысливается

автором. «В языке писателя взаимодействуют сразу две разные системы: общенародного литературного языка и индивидуально-речевого творчества писателя. Но эти две системы нельзя ни отождествлять, ни разрывать, ибо “индивидуальное” писателя всегда базируется на “социальном”, но никогда не равно ему» [17, с. 25]. В текстах Н.А. Дуровой встречается множество имен собственных, относящихся к различным языковым группам (русской, немецкой, английской, французской и пр.), что создает определенный национальный фон, помогает передать особенности идейного и жанрового содержания произведений.

Цель данной работы – исследование личных имен собственных в художественных текстах Н.А. Дуровой в этнолингвистическом аспекте. Трудность анализа антропонимов в первую очередь заключается в определении их принадлежности к конкретному этническому пласту. Так, о русских именах А.В. Суперанская пишет: «Форма, в которой существуют наши имена, обусловлена не только закономерностями русского языка, но и особенностями языка греческого, из которого они были заимствованы. В большинстве стран Европы имена заимствовались из латинского языка. Отсюда, например, такие параллельные ряды имен общего происхождения, содержащие в русском языке **и: Филикс, Фива, Севир**, а в языках Европы – **е: Феликс, Феба, Север**» [14, с. 8–9].

В художественных произведениях Надежды Дуровой представлена богатая палитра русских имен собственных. Ее литературные тексты относятся к первой половине XIX в., поэтому некоторые ономастические единицы в современном употреблении неактивны (*Нимфодора, Евфросиния, Агафья, Аглая, Клеопатра, Домника, Палагея, Марфа, Степанида, Модест, Викул, Самуил, Венедикт* и др.): *У меня родится сын, прекрасный, как амур! Я дам ему имя **Модест**...*; *«Бабушка не видала, – отвечала **Агафья**, – но за вами приехал Степан»*; *Кроме красоты своей, смешного имени, **Домника** замечательна еще и по близкому родству с тою Амазонкою...* [3, с. 2, 15, 121]. Данный корпус онимов, используемый кавалерист-девицей, отражает примеры активного употребления имен того периода, в котором жил и писал автор.

В художественном поле писательницы зафиксированы антропонимы, характерные и для современного русского ономастикона: *Алексей, Ефим, Федор, Егор, Степан, Владимир, Оля, Софья, Елена, Марина, Людмила* и

др.: *В молчании ночном ясно доходили до уха моего крик **Ефима** и сильное храпенье Алкида; Видишь ли, **Степан**, какой красавец будет ценок, а ты хотел его забросить!; Рассказ **Алексея** навел какую-то грусть на молодых людей...* [3, с. 24, 16, 42, 58].

Немецкие антропони́мы формируют отдельный этнический пласт художественного именика Н.А. Дуровой: *Адольф, Абельард, Валериан, Готфрид, Теодор, Клотильда* и др. Поэтонимы данной группы реализуют текстообразующее значение в произведении. Например, в автобиографических «Записках кавалерист-девицы» антропоним *Адольф* принадлежит одному из эпизодических лиц в рассказе главной героини: *Взбалмошный **Адольф** привел в ужасное замешательство сестру свою...* (Там же, с. 248). Иную задачу выполняют немецкие имена в произведениях романтического плана: «Атмосфера таинственного, ужасного, созданная в повести “Ярчук собака-духовидец” пробуждает в читателе чувство тревоги, боязни, сопереживания ее героям, читателями испытывается подсознательный страх» [1, с. 37]. В тексте: *Непонятное усыпление твое, мой **Готфрид**, длилось целый месяц...* [16, с. 140]. В другом произведении кавалерист-девицы «Павильон» «тесно переплелись готические и романтические традиции, при преобладании последних», что создает в тексте картину ярких образов, свободных и искренних чувств [1, с. 83]: *Все, что молодая **Клотильда** рассказывала сестрам, было совершенная правда: жид точно выследил, что богатая мебель для украшения только двух комнат выписана ксендзом, что отвезена к нему и что поставлена в павильоне; что павильон обитаем и что существует, в нем живущее, обожаемо **Валерианом!**..* [4, с. 320].

Вслед за немецкими именами поэтонимы английского происхождения (*Себастиан, Грегори*) в повестях Надежды Андреевны дополняют и усиливают стилистическую функцию онимов, формируя романтические традиции с элементами готического и фантастического: *«Ну что ж, добрый **Себастиан**, – говорил батюшка, – если чертям Богемии понравился этот участок земли, так отдай им <...>». Какое мне было слушать эту шутку! Мне – очевидно свидетелю ужасов проклятой долины!* [16, с. 86].

В литературных текстах кавалерист-девицы упоминаются также и французские личные имена (*Жозефина, Тереза, Сезар, Рафаэль, Грегуар, Жорж*). Так, *Сезар* – герой автобиографического произведения «Запис-

ки кавалерист-девицы», реальное лицо и друг Дуровой: *Товарищи мои возвратились: Черныявский ни с чем; **Сезар** с приобретением неважным...* [3, с. 149]. Французское имя *Сезар* и русский антропоним *Цезарь* имеют одну языковую основу: из лат. *Caesar* – фамильное имя в роде Юлиев; греч. *Kaisar, Caesar* (Цезарь) – почетный титул римских императоров до Адриана; начиная с Адриана – почетный титул наследников престола [14, с. 234]. Активное употребление в дворянском обществе французских слов отражено и в ономастике: граф *Георг* Тревильский («Угол») именовался *Жоржем*: *Для кого ж, как не для Фетиньюшки, граф **Георг** так учтив с нами, так ласков, почтителен, так ухаживает, прислуживает мне при каждом случае?; **Жорж**, надобно быть кавалером Целестины весь вечер!* [2, с. 74, 114].

Два примера польских имен *Юзеф* («Записки кавалерист-девицы») и *Юзефа* («Граф Мавриций») расширяют границы ономастического пространства произведений Дуровой: *Как! Неужели старик **Юзеф** просит милостыни, и помещик его позволяет?; Между тем **Юзефа** час от часу расцветала прелестнее, и красота ее начинала уже обращать на себя внимание* [3, с. 246; 13, с. 36]. Антропони́мы *Юзеф* и *Юзефа* имеют в основе библейское начало и образованы от др.-евр. *yōzēf*, что означает «бог умножит/прибавит» [14, с. 121]. «Христианство, утвердившееся в Польше с IX–X вв., принесло свой обязательный список имен, содержащий имена “святых” – деятелей первых веков христианства» [11, с. 255].

А.В. Суперанская в «Современном словаре личных имен» некоторые антропони́мы относит к западноевропейским формам, сложившимся в русской культуре на основе латинского прочтения слов [14]. К европейским именам, зафиксированным в произведениях Надежды Андреевны, относятся следующие единицы: *Розалия, Эрнестина, Леокадия, Эмма, Фанни, Целестина, Эдуард*. Антропоним *Фанни* является дополнительной ономастической единицей для купеческой дочери *Фетинья* («Угол»). Вопрос смены имени возник после того, как героиня вышла замуж за дворянина: *«Вот досадное имя, – сказал он вслух, – мне кажется, сам ангел покраснел бы от него! Когда я женюсь на ней, мой круг будет звать ее **Фанни**»* [2, с. 97]. Оним *Фетинья* как единица именования относится к числу разговорных форм русских имен, поэтому в произведении представителем дворянства оно было заменено на *Фанни*, что соответствовало мане-

ре имянаречения привилегированного общества. Поэтоним *Фанни* образован путем усечения начальной части западного имени *Стефания* [14, с. 351]. Писательница показывает, что смена русского имени на европейскую форму является лишь бессодержательной условностью.

В повести «Ярчук собака-духовидец» выделяется ряд цыганских антропонимов (*Замет, Хауда, Керим, Мария*). Кочевой образ жизни, отсутствие общей территории проживания цыганского народа наложили отпечаток на формирование их именника: личные имена, зафиксированные в произведении, встречаются в ономастиконах других языковых групп (*Керим* арабского происхождения, *Мария* – древнееврейского). Период расселения цыган по всей Европе приходится на XV–XVII вв. [11, с. 334]. Поэтонимы *Замет* и *Хауда* не упоминаются ни в одном национальном словаре имен. Возможно, данные номинации относятся к старым формам имен, утратившим активное употребление, или являются абсолютным имьятворчеством автора, также есть вероятность, что писательница допустила фонетическую ошибку при воспроизведении имен. Этническая обусловленность поэтонимов обнаруживается в тексте: *А последнее – цыган Замет, который мне, как ребенку, казался чудовищного роста и был страшен, как людоед; ... они наперед утверждают все, что скажет и откроет Хауда (имя старой цыганки)...* [16, с. 133, 142]. Включение данных персонажей в художественное пространство повести продиктовано замыслом автора: в тексте образы цыган создают антураж таинственности и загадочности.

Н.А. Дурова много путешествовала и знала обычаи, нравы людей разных национальностей, поэтому она подробно описывает жизнь и быт простых людей: марийцев, татар, евреев и др. «Дурова часто обращается к национальной теме, выступая в защиту угнетенных народов России, утверждая идею ценности человеческой личности: в повести “Серный ключ” рассказывает о глубоких чувствах черемисов Зеилы и Дукмора, в повести “Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани” создает героический образ татарской женщины Кизбек» [9, с. 290].

Писательница, прожившая бок о бок с тюрками более сорока лет, отводит в своих произведениях особое место представителям татарского этноса. Тюркские антропонимы образуют группу из личных имен (*Хамитулла, Якуб, Абурашид, Ибрагим, Сулейман, Фатима* и др.) и одной фамилии (*Мансуров*). Фор-

мы онимов *Зугра, Нурмека* и *Кизбек* не встречаются в словаре татарских личных имен [10]. Национальные и половозрастные характеристики персонажей определяются контекстом: *...ему приятно было оставаться дома и изредка проходить мимо окна Зугры, дочери одного из богатейших татар деревни; ...конь на скакал на Нурмеку..., вмиг юная татарка делает шаг вперед...; «Золотое кольцо моей Нурмеки тому, кто принесет ее покрывало», – говорила Кизбек, обводя умоляющим взором изумленную толпу. Голос татарки прерывался, члены трепетали...* [3, с. 197; 5, с. 28, 29]. Сместем предположить, что *Зугра* – это вариант имени *Зухра* («лучезарная, сияющая; цвет; цветок; утренняя звезда, Венера») [10, с. 371] – замена глухого заднеязычного согласного [x] на звонкий [r]; *Нурмека* от *Нурбика* («лучезарная девушка») (Там же, с. 399) – изменение билабиальных согласных [b] на [m] и гласных [и] на [e]; *Кизбек* от мужского имени *Казбек/Казибек* (*Каз* «судья» + *бек* «господин») (Там же, с. 128) – замена безударного гласного [a] на [и]. Возможно, фонетические трансформации в данных именах произошли вследствие того, что Н.А. Дурова не была носителем татарского языка.

Изображению жизни и быта черемисского (марийского) народа марийцев Н.А. Дурова посвящает небольшую повесть «Серный ключ». В центре повествования двое любящих друг друга сирот *Дукмор* и *Зеила*. В словаре марийских имен дохристианского и христианского периода антропонимы *Дукмор* и *Зеила* не встречаются. Звуковой облик онимов *Дукмор* (обилие в имени звонких и сонорных твердых согласных) и *Зеила* (тоже звонкий, но мягкий согласный в начале онима) выступает одним из средств характеристики героев: *...природа была для него (Дукмора. – К.В.) самую нежную мать. Она дала ему высокий рост, стройность, необычайную силу и красоту лица, иногда еще не виданную в сем народе, по большей части малорослом и неуклюжем. О Зеиле сказано следующее: девица, черемиска, лет семнадцати или восемнадцати, бледная, как белый мрамор, невыразимо прекрасная: большие глаза ее были черны и блестящи, рот хотя казался несколько велик, надобно думать, от чрезмерной ее сухощавости, но был, однако ж, свеж, как роза, и до пленительности хорош, и как она была крестьянка, то не удивительно, что ровные прекрасные ее зубы были белы, как слоновая кость...* [6, с. 27, 18]. В данных номинациях фоносемантические особенности помогают воссоздать целостный образ.

Ономастическая лексика характеризует авторскую индивидуальность, уровень мастерства и эрудиции писателя Н.А. Дуровой, побывавшей в разных странах и местах, общавшейся с людьми самых разных национальностей и социальных слоев. Все вышесказанное не могло не отразиться в литературных произведениях автора. При создании художественных текстов Дурова употребляла имена разных этнических групп, которые пропустила через призму своего поэтического видения. Благодаря этому произведения кавалерист-девицы выделяются особым колоритом.

Поэтонимы в литературном творчестве Н.А. Дуровой не только важны для того, чтобы показать все разнообразие и богатство национальных культур России и Европы (частью которых является и антропонимикон), но и способствуют воспитанию любви и интереса к прошлому родины, своему народу и его истории.

Литература

1. Боллох Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001.
2. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / сост. В.В. Ученова. М. : Современник, 1986.
3. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
4. Дурова Н.А. Избранное. Москва : Сов. Россия, 1984.
5. Дурова Н.А. Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани. Елабуга : АБАК, 1999.
6. Дурова Н.А. Серный Ключ. Елабуга : Елаб. типография, 1996.
7. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. 1986. № 4. С. 34 – 40.
8. Михайлов В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте // Филол. науки. 1987. № 6. С. 78 – 82.
9. Русские писатели. Библиографический словарь : в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. М. : Просвещение, 1990. Т. 1.
10. Сатаров Г.Ф. О чем говорят татарские имена? Казань : Раннур, 1998.
11. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М.В. Крюков. М. : Наука, 1989.
12. Смиренский Б.В. Надежда Дурова // Записки кавалерист-девицы. Повести. Калининград : Калининград. кн. изд-во «Янтарный сказ», 1999. С. 5–46.

13. Степная барышня. Проза русских писательниц XIX века / сост. В.В. Ученова. М. : Правда, 1989.

14. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005.

15. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : моногр. Волгоград : Перемена, 2000.

16. Фантастические повести: Дурова Н.А. Ярчук собака-духовидец; Одоевский В.Ф. Саламандра; Толстой А.К. Упырь / сост. С.Ф. Васильев. Ижевск : Удмуртия, 1991.

17. Фоянкова О.И. Имена собственные в художественном тексте: учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.

Anthroponyms in fiction texts of N.A.Durova: ethnolinguistic aspect

There are regarded the anthroponyms of fiction space of cavalry girl N.A.Durova. Personal names are analyzed and classified in accordance with etymological and ethnolinguistic characteristics of anthroponomic units.

Key words: *anthroponym, personal name, poetonym, etimological characteristics, ethnolinguistic characteristics.*

Н.Л. ШВЕДОВА
(Волгоград)

ПРАГМАТОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РЕКЛАМНАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ

Рассматривается способность прагматонимов выступать в текстах современной массовой литературы в качестве средства косвенной рекламы и стилистического средства.

Ключевые слова: *массовая литература, продакт плейсмент, прагматонимы, рекламная функция, стилистическая функция.*

Названия товаров и услуг, стремительно входящие в нашу жизнь и употребляющиеся в различных коммуникативных сферах, при-